

ДВЕ МОЛИТВЫ

Сияет звезда над Рождественским миром,
Молитвам внимает в ночной тишине.
Стеной разделённые в разных квартирах –
Две женщины. Образа два на стене.

Одна из них шепчет: «Опять мне всё то же –
Живу в ожидании лучшего дня!»
А рядом другая: «О Боже, о Боже,
О, не отними то, что есть у меня...»

Одна: «Дай поверить, что ждёт меня счастье,
Я вытерплю всё – и сиротство своё.
О, сколько ещё без любви мне скитаться
По жизни, скажи, сколько ждать мне её!»

А там, за стеною: «Даруй мне покоя,
Не дай бог прозреть и увидеть, узнать,
Какое ещё испытанье, какое,
Судьбой суждено мне на плечи принять».

Икона у каждой висит на стене,
С иконы младенец взирает с укором.
Всё молит одна: «Дай же счастья мне!»
Другая: «Не дай мне, Господь, – горя...»

* * *

Приду к нему и скажу: «Люблю –
Люблю шоколад с орешками,
Люблю ромашковый июль
С гвоздиками вперемешку.

Люблю, когда глядят на меня
Цветы сквозь слёзы росы,
И тикают на исходе дня
Кузнечиковые часы.

Люблю парное молоко
С хлебом чёрным и пышным,
Люблю, когда закат за рекой,
А не за ближайшей крышей.

Люблю, услышав дробный стук,
В ветвях отыскать дятла,
Люблю, когда строчка приходит вдруг,
Где раньше была – непонятно.

Люблю по траве босиком ходить,
Плавать под солнцем спящим,
Люблю о прошлом погрузить,
Когда хорошо в настоящем.

А если бабочку вдруг изловлю,
Люблю отпустить с ладони...»
Я столько раз повторю «люблю»,
Чтоб он, наконец-то, понял...

* * *

Синяя тетрабочка,
Каждый лист конвертиком.
А внутри послания,
Девичьи мечты:
Принца синеглазого,
Туфельки хрустальные,
Сказочного праздника,
Вечной красоты!

Каждый лист конвертиком,
Каждый лист на скобочке,
И никак не вырваться
Из-за скобки этой.
И скучают девочки,
И томятся девушки,
И тоскуют женщины,
И всё ждут ответа.

ПУСТОЙ РАЗГОВОР

Есть такой разговор – как орешек:
Расщелкнёшь, а внутри пустота.
Вроде крепок, да много в нём треска,
Серединка же – незанята.

Так массовке случается зрителям
Для создания шума твердить
Поговорку: «О чём говорить-то нам,
Если не о чем нам говорить?»

С губ слетает легко и бездумно,
Осыпаясь, словес шелуха.
Если мы говорим ради шума,
Значит, мы из массовки пока.

* * *

Вышиваю строчки строго по канве,
То простым стежком, то крестиком на память,
Где изъян, там гладью ровною поверх –
Гладью можно всё сравнить и всё поправить.

Получается картинка хоть куда,
Хоть на стенку вешай, хочешь – продавай,
От печалей и страданий – ни следа,
И узорчатой тесьмой украшен край.

Всё прекрасно правде жизни вопреки,
Но болят порой с изнанки узелки.

СТАТУЯ «ГРЕШНИЦА»

На коленях стою – так устойчивей я на земле.
И тяжёлые руки я к небу в мольбе поднимаю,
Тот, кто создал меня, тот, кто скорбь начертил на челе,
В меня душу вложил, но зачем мне душа – я не знаю.

Я не помню вины – для чего же страдаю и каюсь?
Я не знала греха – так к чему этот горестный вид?
Я б хотела вернуться в бездушный, бесчувственный камень...
Или дайте изведать, в чём грешная сладость любви!

* * *

Ты говоришь, что так жить невозможно.
Но это давно решено!
С тобой, без тебя ли, мне жить невозможно,
Совсем невозможно. Но...

Если взять чемодан – тяжёлый, громоздкий,
Как наши с тобою отношения, –
Вещи в него побросать – и в промозглый
Вечер без размышлений.

Чтоб он, разбит и перегружен,
Сломался – лишь ручка в руке,
Тут же решить, что багаж не нужен,
И дальше – уже налегке.

Пройти меж обрывистыми берегами
Зыбкий мосток навесной,
И убедиться: провал под ногами
Страшней, чем провал за спиной.

А в высоте различив созвездья,
Всё знающие уже,
Понять, что над головою бездна
Глубже, чем бездна в душе...

* * *

Снова перевёрнута страница,
Пелена спала.
Нужно заново ходить учиться,
Как по шпалам.

Чтоб никто не мог пойти рядом –
Узкоколейка!
Над судьбой, как над речной рябью –
Уклейка.

Чтобы слышать лишь птичье пенье,
Звон сверчков.
Чтобы ветер, как откровенье,
Свеж и нов.

Заглушала трава шпалы старые –
Цвет гвоздик.
Чтобы стало не важно – станция
Иль тупик.

* * *

За окошком кап да кап,
Целый день всё мжит да мжит,
А ворона кар да кар –
Всё печаль мне ворожит.

В шесть часов почти темно,
В семь часов почти тоска.
Капля с ветки за окном
Не сорвётся всё никак.

А напротив света нет,
Ты давно там не живёшь.
Даже если был бы свет,
Вряд ли вышла бы под дождь.

Ничего теперь не тронет,
Ничего теперь не всласть...
Резко каркнула ворона –
Капля с ветки сорвалась.

* * *

Земля с утра как будто в коконе,
Лежит в тумане бело-матовом.
Всю ночь кружился ветер около,
Невидимую нить наматывал.

И там, внутри, травинка каждая
Ждёт, замерев в тиши загадочной,
Когда, расправив крылья влажные,
День распахнётся яркой бабочкой.

* * *

Луг васильковый в зареве заката,
На цыпочках незримый день прошёл,
Не потревожив бабочек и пчёл.
Растратив акварельные запасы,
Растаял в розовой пелене,
В малиновой реке и рыжей роще,
И только облаков белесый росчерк
Оставил на багряном полотне.

* * *

Из камней, что в меня кидали,
Что так тяжело на сердце лежали,
Что давили немой печалью,
Дом хотела построить себе.
Мне казалось, что постепенно
Вырастать будут крепкие стены
Из камней этих мрачных и серых
От земли и до самых небес.

Сколько было наветов и брани,
Сколько слёз и бессонных страданий,
Но теперь из сегодняшней дали,
Всё забыв, всех давно простив,
Камни – те, что в меня кидали,
Те, что грудой на сердце лежали,
Показались мне пёстрой галькой,
Умещающейся в горсти.

СНЫ

Смеркается. Смыкаются глаза.
И вот уж ночь разобрана на сны.
И дел дневных, пустых и наносных,
Отходит призрачная полоса.

Смакуется изменчивость, текучесть
Зыбь суши и устойчивость волны,
Ландшафтов странность. Здесь разрешены
Свиданья с прошлым. Нету только скуки.

Смекается, толкуется. Основ
Основа – сонник странникам лояльным.
Все ищут смысл и значение снов.
Почти никто не ищет смысла яви.